

Сокровища на Большой Пушкарской

ИХ ДЕСЯТКИ ЛЕТ СОБИРАЛ КОЛЛЕКЦИОНЕР ШМИТТ-ФОГЕЛЕВИЧ

Анатолий ИВАНОВ

В нынешнем году исполнилось десять лет, как нет с нами подлинного петербургского интеллигента Н. П. Шмитт-Фогелевича, собирателя одной из крупнейших коллекций открыток и печатных материалов, связанных с Петербургом.

Мы познакомились в 1985 году; к тому времени я уже всерьез занимался историей Петербурга, прочитал немало книг и статей на эту тему и, как мне казалось, неплохо знал город, исходяв его пешком вдоль и поперек. В один из летних дней, предварительно договорившись по телефону, я отправился к Николаю Павловичу, жившему на Петроградской стороне, в старом доме на Большой Пушкарской.

На мой звонок дверь отворилась. Передо мной стоял немолодой, очень полный мужчина с бледным морщинистым лицом. Приветливо улыбнувшись, он пригласил меня проследовать за ним, медленно ступая ногами в огромных стоптанных домашних туфлях. Квартира была коммунальная, некогда барская; Николай Павлович проживал в двух смежных комнатах, почти целиком занятых его коллекцией. Ту, что побольше, заполняли помимо обеденного стола, продавленного кресла да нескольких стульев бесчисленные книги, теснившиеся в старинном шкафу и на полках, меньшая же служила хозяину спальней и одновременно хранилищем его главного сокровища — десятков альбомов, заботливо обернутых в толстую серую бумагу, на которой аккуратнейшим почерком

указывалось их содержимое.

Помимо дореволюционных фотооткрыток с видами Петербурга и книг по истории города собрание Николая Павловича включало в себя весь северозапад России с более или менее крупными населенными пунктами, причем речь шла не об одних фотографических, но также и о рисованных изображениях, не считая обширной подборки плакатов блокадного времени. Однако лично меня больше всего интересовало первое из названного, поэтому мы и сосредоточились на рассматривании петербургских альбомов.

Тем из посетителей, в ком Николай Павлович предполагал знатоков Петербурга, он имел обыкновение показывать особый альбом, где хранились открытки с неопознанными видами города, относительно которых существовали сомнения, в самом ли деле это Петербург, и если да, то о каком именно месте может идти речь. Это делалось в расчете на свежий, «незамыленный» взгляд, способный подчас с ходу определить, или, как говорят специалисты, атрибутировать, спорное изображение. Подобные экземпляры всегда имеются у любого филокартиста, будь он даже самым искусственным знатоком. Это и неудивительно, ес-

ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО ФОНДОМ ИМЕНИ Д. С. ЛИКАЧЕВА

Николай Павлович Шмитт-Фогелевич

ли учесть, как сильно изменилась городская застройка за истекшую сотню лет, особенно в окраинных районах, а ведь попадают открытки и растроженные фотографии без каких бы то ни было печатных надписей.

На одном из подобных снимков, сделанном, предположительно, в 1870-е годы, мне удалось опознать Большую Конюшенную улицу с видом на Невский проспект. Ныне там находится хорошо всем знакомое здание бывшего торгового дома Мертенса с высокой застекленной аркадой, возведенное в 1911—1912 годах архитектором М. Ляевичем в стиле модерн, а до этого стояло ни-

чем не примечательное четырехэтажное здание «фоновой застройки».

Я изложил свои соображения, и хозяин дома, убедившись в их правоте, обнаружил заметную радость: не так уж часто попадаются неопознанные открытки с изображением центральных улиц города!

Так началось наше знакомство, продолжавшееся почти двадцать лет и постепенно переросшее в дружбу. За эти годы я близко узнал и оценил душевные качества Николая Павловича, будучи обязан ему очень многим. В сущности, это он заставил меня взяться за перо, ставя в пример своего близкого знакомого, очень уважаемого им Александра Валерьевича Кобака, тогда еще просто Сашу, молодого инженера, тоже увлекавшегося историей Петербурга и уже успевшего написать на эту тему несколько статей.

Мы познакомились с ним у того же Николая Павловича, и на обратном пути домой Саша тоже посоветовал мне испытать свои силы и написать какой-нибудь небольшой очерк для газетной публикации. Я последовал их общему совету, и летом 1987 года в газете «Смена» появилась моя первая небольшая статья под названием «Пришельцы с далекого юга» о подаренных персидским шахом российской императрице слонах.

Николай Павлович внимательнейшим образом следил за моими дальнейшими трудами на ниве петербургского краеведения, отмечая ма-

лейшие успехи на этом столь близком ему поприще. Мы виделись с ним почти еженедельно; он оказывал мне всяческое содействие, позволив перенять лучшие экземпляры его обширной коллекции открыток, чем я в дальнейшем неоднократно пользовался для моих статей и книг, охотно одалживал для прочтения любые, самые редкие издания по истории Петербурга, каких у него, надо сказать, было немало.

В благодарность за столь редкую щедрость и великодушие я посвящал его во все подробности моих исторических изысканий, сообщал о самых незначительных находках, советуясь в затруднительных случаях, чем доставлял ему видимое удовольствие. Впрочем, поступая таким образом, я доставлял сам себе не меньшую радость, чем этому совершенно бескорыстному энтузиасту, который радовался чужим успехам как своим собственным.

За несколько лет до смерти он удостоился Анциферовской премии за общий вклад в петербургское краеведение, что стало вполне справедливым признанием его заслуг.

Я многократно был свидетелем того, как этот далеко не молодой и не очень-то здоровый человек, преодолевая свои недуги, карабкался на стремянку, неутомимо отыскивая нужные кому-то материалы на ту или иную тему. К нему обращались за помощью музеи, частные фирмы и отдельные граждане. Телефон в его квартире звонил, если не ежеминутно, то очень часто, и надо сказать,

что соседи, часто снимавшие трубку раньше, чем он поспевал к аппарату, не пеняли ему за беспокойство. Возможно, просто в силу своего добродушия, а возможно, и сознавая, что человек, безропотно исполняя нечто вроде общественной повинности, заслуживает не просто снисхождения, но и глубокого уважения.

Случалось, его подводили, не являясь за разысканными с таким трудом материалами, причем даже не позвонив и не предупредив, что надобность в них отпала. Старик обижался, негодуя на людскую неблагодарность и не порядочность, но проходило какое-то время, все забывалось, и он с тем же усердием таскал свою стремянку и кряхтя взбирался по шатким ступенькам, жалобно скрипевшим под его тучным телом.

Современным молодым людям, вероятно, будет трудно поверить, что в девяносто процентах случаев Николай Павлович не извлекал из своей коллекции никакой финансовой выгоды, а в остальных десяти — ему платили лишь некоторые государственные учреждения или особо соvestливые коммерсанты, притом столько, сколько находили нужным. Впрочем, он никогда и не заикался об оплате за пользование его коллекцией, которую собирал с двадцати лет, часто отказывая себе в самом необходимом.

Дай бог, чтобы Россия никогда не оскудела такими людьми, как Н. П. Шмитт-Фогелевич!